

УДК 821.161.1.09«18»
ББК 83.3(2=Рус)4

ПАРАДОКСЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Т.В. Назарова

Выявлены методологические основы парадоксального отрицания значения наследия поэта для русской культуры. Определен общий вектор восприятия творчества Пушкина сотрудниками крупнейшего демократического журнала. Проанализированы причины двойственности оценок, характерной для всей журнальной партии.

Ключевые слова: *творчество Пушкина, интерпретация, демократический журнал, теория «народного реализма», методология литературной критики.*

Отношение демократических журналов «Отечественные записки», «Дело», «Слово» к русской классике, в частности к творчеству Пушкина, редактор консервативного «Русского вестника» М.Н. Катков метко назвал «борьбой критики с литературой»¹ и «покушением на искусство» [1]. Внимание исследователей критики и журналистики не раз привлекала парадоксально негативная оценка наследия поэта, характерная для демократической критики XIX столетия. В работах А.М. Гаркави, Б.Ф. Егорова, М.Г. Зельдовича, В.В. Ильина, С.С. Конкина, Г.В. Макаровской, М.И. Рунт, И.В. Попова выявлены методологические установки критиков, обстоятельства общественно-литературной борьбы, обусловившие оценки пушкинского творчества (см.: [2–5; 10–14 и др.]).

В статьях И.В. Кондакова «антипушкинский нигилизм» рассматривается как показатель «контркультурного» значения демократических устремлений русской критики (см.: [7; 8; 9]), направленных «на расширение влияния литературы в массах в ущерб ее ценностно-смысловому росту» [7, с. 111]. Принято считать, что антипушкинские выступления были вызваны стремлением доказать историческую исчерпанность дворянской литературы, главой которой поэт считался, ее практическую непримени-

мость к ближайшим и наиболее важным интересам дня и обосновать принципиально иные пути литературного развития². Программная заданность отношения к действительности новой литературы, связанная с регламентацией предмета изображения, основных типов героев, мотивировок (социологических и социально-психологических детерминант) влекла за собой постановку вопроса о «ненародности» творчества Пушкина³. Герои его произведений, и в частности родоначальник «лишних людей», подвергались антиисторической интерпретации с точки зрения идеала «деятели» в соответствии с оценкой роли интеллигенции в общественном развитии. Однако остается неучтенным большой корпус материалов журнала «Дело», содержащих противоположную, очень высокую оценку наследия поэта, причем и позитивные, и негативные суждения принадлежат перу одних и тех же авторов и временной эволюции в интерпретации творчества Пушкина не выявляется⁴. Кроме того, и негативные характеристики наследия поэта в демократических журналах имеют разный смысл, систематическое их изучение позволяет уточнить как общность теоретико-литературных концепций журналов, так и глубокие различия, конкретизировать представления о дифференциации демократического сознания последней трети XIX века.

В первые годы существования журнала общий тон кратких характеристик творчества Пушкина во многом был задан Д.И. Писаревым. Но определяющую роль сыграла не вульгарно-моралистическая концепция цикла

«Пушкин и Белинский», а двойная установка статьи «Образованная толпа» (1867. № 3, 4). Ее адресатом является интеллигенция, ее аморфность и индифферентизм – объект критики Писарева, и это определило постановку ближайших задач литературы и критики. На пробуждение сознания, «цели и смысла» жизни в людях, которые «спят непробудным умственным сном, а живут по силе инерции», критик стремится направить усилия литературы. Теоретическая установка на извлечение прямого ответа или «совета» из произведения вела к констатации ограниченных гносеологических возможностей искусства по сравнению с логическим мышлением в науке и критике: «Уже давно известно, что почти все поэты отличаются приятно и красивою неопределенностью нравственных убеждений. Редкий поэт способен составить себе ясное и отчетливое понятие о том, что такое убеждение и что такое логическая последовательность» (1866. № 4. 2-я паг. С. 23)⁵.

По-видимому, двойственность, создаваемая пониманием специфики художественного познания, природы художественной типизации и в то же время принципиальным стремлением к «разрушению эстетики», прямолинейному логизированию идеи в искусстве, давала противоречивую оценку творчества Пушкина в 1867 году. Оценка общественной полезности произведения и оценка художественного дарования в статьях Писарева окончательно разводятся. Талант, по мнению критика, может представлять из себя опасность и приносить «вред» обществу, соответственно жизненной правде представляя «сырой материал», но неверно оценивая его. Именно это и видит Писарев в творчестве Пушкина. В статье «Образованная толпа» Пушкин – «талантливейший беллетрист», но роман, объективно «развенчивающий» русского Чайльд Гарольда, действует «неотразимо» на «неокрепшие сердца», Онегин воспринимается как образец для подражания.

В противовес художественной «объективности» Писаревым выдвигается «тенденциозность» с характерным поясняющим определением – «или дидактичность». Тенденциозность, о которой говорит критик, по его собственному мнению, разрушает художественность. «Отвлеченные пояснения», вложенные в уста ге-

роев, разрушают психологическую правду. «В эту ошибку впадают обыкновенно те писатели, в которых мыслитель преобладает над художником» (1867. № 3. 2-я паг. С. 3). Писаревым обосновывается необходимость создания особого рода литературы и специфика критического подхода к этим «тенденциозным произведениям». Она заключена в том, чтобы определить, «каковы симпатии и антипатии данного писателя... если мы увидим в его произведениях здоровый и верный взгляд на межчеловеческие отношения, то нас несколько не покоробит и не возмутит его старание договорить отвлеченными пояснениями ту мысль, которую он не сумел с достаточной наглядностью воплотить в свои образы и сцены. Это старание докажет нам только, что писатель всею душою предан своему делу» (1867. № 3. 2-я паг. С. 5–6).

Эти программные заявления положили начало просветительскому утилитаризму литературной критики «Дела»⁶. Подхватывая мысль Писарева, анонимный автор «Земского дела» пишет: «Теория искусства для искусства никогда не была популярною... каждый добросовестный писатель обязан, проверив свои силы, отмежевать себе известную отрасль в ряду современных вопросов, терпеливо посвятить себя всестороннему их исследованию и сделать верные выводы. Обязанность журналиста... разоблачать вовремя зловерные поползновения» (1867. № 5. 2-я паг. С. 73–74).

Отсутствие однозначного «вывода» в творчестве Пушкина, «цельности мысли», «единой всепоглощающей страсти» и рождало парадоксальную концепцию: «Пушкин – гениальный поэт» и «Пушкин – гениальный, ум», но «принес своему поколению более вреда, чем пользы» (1868. № 7. 2-я паг. С. 42).

Оценка Пушкина в журнале несколько отличалась от писаревской. Она осложнялась признанием исторической заслуги поэта, в нем видели открывателя нового направления в литературе. «Евгений Онегин», по мнению Н.В. Шелгунова, начал собою эпоху «героев нашего времени». Пушкин воспитал целое поколение романистов и повествователей, у которых «недостало силы подняться выше идеала, созданного их великим учителем» (1868. № 6. 2-я паг. С. 101). Путь к историзму открывало своеобразное понимание Шелгуно-

вым проблемы народности литературы. Понятием «народность» критика «Дела» не оперировала, употреблялось комплексное название «народный реализм», что само по себе уже показательно. Концепция народности литературы в «Деле» не имела такой определенной связи с объектом изображения, народной «точкой зрения», как у народнического крыла «Отечественных записок»⁷. Понятие народности в целом связывалось с качеством политической идеи произведения, специального обоснования оно не требовало, поскольку народность осознавалась как социально-политический идеал, воплощенный в произведении. На эту особенность постановки проблемы в журнале обращает внимание В.Б. Смирнов, установивший, что «Дело» отказывало Некрасову в праве называться народным поэтом в связи с тем, что его поэзия сосредоточена на «мрачных сторонах жизни»⁸.

Историко-литературная концепция Шелгунова не содержала противопоставления «аристократического» (или «идеально-головного») периода «народно-реальному», между ними постоянно устанавливается преемственная связь. Именно в силу предыдущего «отрицательного» направления нынешняя литература должна стать «положительной», от «вопросов» в концепции Шелгунова она переходит к «ответам» благодаря реформам 1861 года, открывающим возможность для «реального дела». Социальная обусловленность литературы не связывалась ни Н.В. Шелгуновым, ни Г.Е. Благодетелевым, ни тем более П.Н. Ткачевым с сословной принадлежностью литераторов. Напротив, Благодетель, стремясь «направить» творчество Тургенева в соответствии с его способностями (талантом «обобщения»), указывает на «независимость его общественного положения» как на достоинство (1868. № 3. 2-я паг. С. 7). Отсутствие «цельной» идеи в творчестве Пушкина Шелгунов связывает с «беспорядочным» воспитанием и «недостаточным» образованием (1873. № 11. 2-я паг. С. 13–25).

В ряде исследований о журнале «Дело» совершенно справедливо указывается, что на его литературную политику в первую очередь оказали влияние просветительский характер программы и «ориентация на интеллигенцию как на гегемона общественного развития»⁹.

Сама постановка вопроса о положении народа имела отличный от критики «Отечественных записок» характер: она означала не изучение народа самого по себе и возможностей литературы в деле пробуждения народного самосознания, а изучение прежде всего экономического положения народа с целью выработки цельной социально-экономической теории и нравственного воздействия на совесть интеллигенции, силами которой и планировалось изменить экономическое положение нации (см., напр.: Шелгунов Н. В. Сила нужды. 1868. № 4. 1-я паг. С. 76). Усилия литературы, по программе журнала, направлены на полное «слияние» цивилизованной массы и крестьянства. Так, например, Шелгунов в статье «Новый ответ на старый вопрос» подчеркивает: «Для чего нам нужно изучение народной жизни? <...> В чем заключается сущность органического развития и сближения с народом? Сущность этого заключается в объединении образованных с необразованными, в объединении интересов моральных и материальных тех и других, в дружных соединениях общих усилий к достижению одной общей цели, заключающейся в общем благополучии. Достигнуть этого помогут нам лишь социально-экономические теории, выработанные Западом» (1868. № 8. 1-я паг. С. 229). Взгляды на народность литературы Ткачева, наиболее полно в этот период выразившиеся в статье «Разбитые иллюзии», известны¹⁰. Необходимо обратить внимание только на два момента. Во-первых, «цивилизованная толпа» не противопоставляется «работающей массе». Ткачев вообще оперирует понятием «народ» только в значении «нация». Интеллигенцией, осознавшей свой общественный долг, полагается не разночинская, а вся, включая дворянскую, которая до реформ 1861 года бездействовала вынужденно. И у Ткачева, и у Берви-Флеровского, и у Благодетельова, и у Щапова идет апелляция в основном к совети привилегированного сословия. Берви-Флеровский в статье «Изящный романист и его изящные критики» утверждает: «Человек, серьезно понимающий свои нравственные обязанности, прежде всего будет думать о том, чтобы оказать народу как можно более услуг, увеличить сумму его благосостояния, потому что только этим путем честолюбец мо-

жет возвыситься» (1868. № 6. 2-я паг. С. 20). Так же и у Ткачева в статье «Разбитые иллюзии» читаем: «Все желающие действительного, а не мнимого счастья цивилизованной толпе должны стараться пробудить в ней сознание солидарности ее интересов с интересами так называемой меньшей братии» (1868. № 11. 2-я паг. С. 31). Об этом пишет и Щапов в статье «Исторические условия интеллектуального развития России» (см.: 1868. № 4. 1-я паг. С. 35). Во-вторых, вопрос о народности литературы не поднимается. Народно-реалистическими признаются те произведения, в которых ставятся «высшие цели, вытекающие из того глубокочеловеческого убеждения, что всякое индивидуальное счастье возможно только при общем счастье всех членов общества» (1868. № 6. 2-я паг. С. 14).

Противоположная, на первый взгляд, трактовка народа как предмета литературы действительно в литературно-критических статьях Шелгунова присутствует. В статье «Русские идеалы, герои и типы» (1868. № 6) нынешние Онегины, Печорины, Рудины противопоставлены богатырям народных преданий – «силушке», которая воплотила в себе «все виды народного недовольства и протеста» (1868. № 6. 1-я паг. С. 80, 101).

Причину появления героев, «неспособных ни к труду, ни к серьезной мысли», он действительно усматривает в том, что и сами авторы «не умели мыслить, не имели решительно никакого понятия о страданиях человеческих и о средствах против общественных зол» (1868. № 6. 1-я паг. С. 110). В статье «Русский индивидуализм» присутствует еще более резкая вульгарно-социологическая обобщенная оценка всего периода дореформенной литературы: «Обеспеченным, довольным, счастливым людям не было вовсе никаких причин обременять свой ум какими бы то ни было размышлениями, и довольный русский человек, облачившись в халат, требовал только одного, чтобы его забавляли, чтобы ему не мешали лениться» (1868. № 7. 1-я паг. С. 3). И обновление литературы связывается с перемещением интеллектуального центра из «барской» среды в разночинную. Но последнее самое острое суждение относится не к создателям «лишних людей», которых Шелгунов никогда не причисляет к разряду не раз-

мышляющих, а к эстетическим «мечтаниям» «довольной России», которую изображала «небольшая толпа довольных людей». В 1876 году тем же Шелгуновым «поставлен вопрос о «национальном» значении Пушкина, но речь идет о том, что философский смысл произведений гениального поэта остался недоступен обществу, включая и Белинского, и раскроется только в будущем. Даже из уже приведенных суждений ясно, что отнюдь не концепция народности литературы, порождая «метафизическую типологическую дифференциацию реалистической литературы на “дворянскую” и “народную”», которая в свою очередь «не допускала преемственности лучших прогрессивных литературных традиций», была основой недооценки творчества больших мастеров¹¹.

Историко-литературная концепция журнала была сложнее и порождала два ряда оценок, свидетельствующих не столько о непонимании журнальной критикой эстетической ценности произведений прошлого, сколько о создании искусственной теории агитационной литературы. Основной целью всех экскурсов в историю литературы, как правило, было обоснование необходимости нового этапа развития реализма. Сознательная тенденциозность в том качестве, в каком она пропагандировалась в журнале, выводила литературу за рамки искусства, и это положение сотрудниками осознавалось [см., напр., статьи «Старые романисты и новые Чичиковы» (1868. № 3. 2-я паг. С. 7); «Двоедушные эстетического консерватизма» (1870. № 8. 2-я паг. С. 67–68) Н. Шелгунова]. Неизбежная недооценка собственно художественной литературы была заранее запрограммирована, принципы «стро-го-реальной» критики тоже теоретически оформлялись. Продолжая писаревскую линию «разрушения эстетики», сотрудники журнала все же прекрасно понимали значение именно эстетического воздействия искусства. Неслучайно в рассуждениях Шелгунова периодически возникала обратная логика. Так, в статье «Люди сороковых и шестидесятых годов» он пишет: «Мы не против назидательного элемента литературных произведений. <...> Но назидание должно заключаться в тех ощущениях, которые переживает читатель, и в тех выводах, которые он сам делает... а отнюдь не в разговоре о добре и зле, в котором вы

видите худо спрятавшегося за занавесом автора» (1869. № 11. 2-я паг. С. 42). У Ткачева встречаются попытки исследовать специфику идейности искусства: «Тенденциозность не только не противоречит художественности, но, напротив, она немислима без нее» (1872. № 10. 2-я паг. С. 5). В одной из рецензий Ткачев пишет: «Послужить свободному направлению можно двояким образом: или только собирая и сообщая факты, подкрепляющие и подтверждающие мысли разумные и полезные, но еще недостаточно доказанные...» (1867. № 6. 2-я паг. С. 42). Это, по Ткачеву, путь «бессознательного» содействия прогрессу. Другой способ – «уясняя и обобщая такие мысли и теории, от практического осуществления которых может зависеть улучшение и правильное развитие условий быта... тут требуется, чтобы писатель имел ясный, определенный образ мыслей, и чтобы эти мысли были действительно прогрессивны, то есть способствовали установлению правильных отношений к социальным вопросам» (там же). И Ткачев, и Шелгунов ограничивают познавательные возможности искусства, но при этом постоянно ведут речь о специфике художественного, целостного отражения мира. Именно в силу признания интуитивного начала в творческом процессе и специфики образной «затемняющей» аргументации сотрудники «Дела» не усматривают в искусстве возможности достигать ясности окончательного «приговора» и тем более «ответа» на социальный запрос. Критики журнала «Дело» обосновывают, что искусство в настоящий момент утрачивает свое значение. Не само по себе творчество Пушкина не устраивает Шелгунова – его заслуги неоспоримы, он был «властителем дум» своего времени и дал эпохе новое направление» (1870. № 2. 2-я паг. С. 7), первым указал путь общественного служения литературе, указал проблемы, не решенные до сих пор (1868. № 6. 1-я паг. С. 101), но «как был бы смешон в наше время какой-нибудь Пушкин, воспевающий звучным стихом Евгения Онегина в то время, как русскому обществу необходимо излагать теорию труда и капитала» (1868. № 7. 1-я паг. С. 4). Это суждение – ключевое для понимания оценки творчества Пушкина журналом «Дело». Фактором, предопределившим ее двойственность, была программа но-

вого литературного направления, обоснование которой являлось сверхзадачей каждой литературно-критической статьи.

Наиболее резкие суждения, отрицающие современное значение Пушкина, не содержат негативной интерпретации смысла его произведений. Критике подвергается его метод, который имел оправдание в историческом прошлом и, по мнению Шелгунова, будет иметь значение в будущем, в настоящий момент неприемлемым оказывается прежде всего «универсализм» его творчества. Основной порок настоящего момента литературного развития, как указывает Шелгунов в статье «Русский индивидуализм», – «разномыслие» (1868. № 7. 1-я паг. С. 2). Эта же мысль развивается в статье Ткачева «Подрастающие силы» (1868. № 10).

Оба ведущих критика журнала сходятся на том, что искусство отодвигается на второй план перед задачами времени. Современному поколению, по Шелгунову, «вовсе не нужны Пушкин, Лермонтов, Тургенев именно в том смысле, что новому времени – «совершенно не нужны беллетристы» (1868. № 7. 1-я паг. С. 4). Им на смену должны придти писатели, которые смогли бы не только верно объяснить «социальный быт» России, но и «указать средства» для экономического обновления.

Но противопоставление двух направлений – «отжившей школы» и нарождающегося «народного реализма» – идет отнюдь не по сословному признаку. Как бы резко ни оценивал Шелгунов последние произведения Тургенева, он подчеркивал: «В произведениях г. Тургенева возрождался первый шаг нового демократизма и новой народности» (1869. № 11. 2-я паг. С. 67). При чем речь идет не о «Записках охотника», а об «Отцах и детях».

Наиболее полно параметры нового направления сформулированы в статье Шелгунова «Народный реализм в литературе» (1871. № 5). Автор анализирует «головной» и прогнозирует «народный реализм» как формы мышления двух разных сред. Представители первого направления (Тургенев, Гончаров, Писемский) изображают, по Шелгунову, «мучеников» собственной «идеи», «разъедающей рефлексии», их удел – «исключительная пожирающая мозговая деятельность», они не предлагают программы деятельности. Но «тенденции»

как «последовательного экономического мышления» Шелгунов не находит и у представителей народного реализма, даже у Решетникова, чье творчество оценено им очень высоко. Тенденция в представлениях критика журнала «Дело» неразрывно связана с буквальным воплощением «идеала», положительного героя, указанием выхода, а Решетников «самыми темными красками рисует положение людей мускульного труда». Будущее литературы Шелгунов связывает с появлением писателей, способных на теоретическое домысливание. Способность «противостоять среде», основанная на высоком интеллектуальном развитии, извне критически осмысливать и теоретически прогнозировать социальные процессы является тем качеством «головного» типа мышления, которое присуще писателям-дворянам. Понимание необходимости преемственности создавало возможность исторической, во многом объективной оценки того, что уже было сделано в литературе: «лишний человек» и вместе с ним первооткрыватель типа воспринимались как носители «передового мировоззрения своего времени». Но одновременно всегда следовало указание на то, чего не было сделано. Два ряда оценок были следствием представлений о дуплановости произведения. Они отражены в работах этого времени: «Изящный романист и его изящные критики» Берви (1868. № 6), «Мелочи дня» Демерта (1868. № 12), «Кто лучше?» Благовосветлова (1869. № 4). Наиболее точно они сформулированы Ткачевым в статье «Подрастающие силы»: «Каждое серьезное беллетристическое произведение имеет или, по крайней мере, должно иметь две стороны. С одной стороны, беллетрист старается воспроизвести, по возможности ближе к действительности, те типы и характеры, которые выработались и развились под влиянием данных условий современной жизни. Его задача – воспроизвести особенности характера и указать на требования, которые он предъявляет, он должен также определить и то, каким образом может и должна жизнь удовлетворять этим требованиям. Вот это-то и составляет тенденциозную, дидактическую сторону каждого живого беллетристического произведения» (1868. № 10. 2-я паг. С. 22). Поэтому отсутствие положительной программы действий в романах Толсто-

го, Достоевского, Тургенева характеризуется как «бессилие мысли», утопание в бесцельном психологизме.

Шелгунов занял более сложную позицию по этому вопросу. В конце 60-х годов установка на усиление рационального начала в творчестве у Шелгунова сочетается с представлениями об эстетическом воздействии искусства. Наряду с суждениями типа «только мысль может оказать положительное действие на читателя» присутствует тезис: «В основе любой мысли лежит чувство». Сфера специального воздействия искусства – чувства читателя (1871. № 4. 2-я паг. С. 8). Искусство в концепции Шелгунова имеет самостоятельное значение, не превращаясь окончательно в инструмент популяризации системы знаний, поскольку в основе творческого процесса лежит «страсть». Очевидно, это было понятие, близкое по смыслу к понятию пафоса у Белинского. Страсть создает «субъективность» как определенное направление мысли художника и в конечном итоге рождает тенденцию (1869. № 8. 2-я паг. С. 8). Связь категории «тенденциозность» с прямым воплощением положительного идеала в теоретико-литературной концепции Шелгунова тоже присутствует. Но она устанавливается за счет искусственной попытки выпрямить и упростить путь непосредственного влияния на читателя.

Обосновывая необходимость «новой правды», критик всякий раз останавливается перед проблемой соотношения объективного и субъективного в художественном образе. В рассматриваемый период Шелгунову свойственна установка на «теоретическое домысливание» позитивной перспективы развития характера героя. В статье «Русские идеалы, герои и типы» (1868. № 6), выясняя уменье автора «осветить образ», он обращается к анализу героев, двигаясь по характерной для него в эти годы схеме. От индивидуальных особенностей персонажа Шелгунов обычно переходит к типу героя, от него к убеждениям писателя, к его представлениям о жизненных закономерностях. В зависимости от тактических задач в центре внимания критика оказывается то объективная, то субъективная сторона проблемы героя. В 1868–1870 годах анализ историко-литературного материала велся очень целеустремленно с целью дискредитации мето-

да «отживающей школы». При суммарной характеристике типа «лишнего человека» объективное его содержание не выяснялось. Хотя именно понятию «жизненная правда» критиком придавался методологический характер, «правда» осмыслена как тип отношения художника к действительности, но тип соотносится не с исторически конкретной действительностью, а с априорным нравственно-эстетическим идеалом «общественного деятеля». Шелгунова интересуется не типичность героя, а отсутствие образца для подражания. Методологическое значение имеет в основном выбор объекта изображения: «В самом Лермонтове не шевелилось никаких широких общественных интересов, от того вышел узок и Печорин. Или война за независимость Греции кончилась, и Печорину не оставалось никакого другого дела?» (1868. № 6. 1-я паг. С. 110). Статья «Русские идеалы, герои и типы» заканчивается выводом о полном «бессилии» эстетической школы: «Ее типы – пустые и бесполезные типы, ее слово – пустое, бесполезное слово; что ни написали эти люди – все это красивые фразы и красивый слог. Никакая серьезная, социальная мысль не руководила этими писателями, и никогда не отличались они серьезным научным образованием» (1868. № 7. 1-я паг. С. 163). Социологический, крайне утилитарный подход является в статьях, имевших ярко выраженную агитационную установку, в них обычно присутствуют прямые обращения к читателю однотипного содержания: «Героический период создал идеалы богатырей... неурядицы московского государства... вызвали бойцов в лице Стеньки Разина, Аввакума и др., неужели только для нашего времени остановилась история, замерли все стремления, и кроме Евгениев Онегиных, Печориных, Рудиных, Литвиновых Россия не в состоянии произвести ничего порядочного, никакой нравственной и умственной мощи, никакого идеала нерядовой силы?» (1868. № 6. 1-я паг. С. 112). При такой коммуникативной установке оценка писателей и героев шла с точки зрения эффективности воздействия произведений. В последнем письме В.А. Гольцеву Шелгунов писал, как бы подводя итоги своей деятельности: «Всегда у меня так выходило, что я писал для растущего читателя»¹². Его программа «полезности» литературной деятельности создавалась под влиянием раздумий над при-

емами педагогического и психологического воздействия на читателя неразвитого. Обоснование воспитательной роли литературы, тенденциозности как «теоретического домисливания» и прямого указания «путей деятельности», как правило, появляется в тех статьях, где высказывается наибольшее недоверие к мыслительным способностям читателя. Так, в статье «Борьба поколений» в основе оценок произведений различных эпох положение: «Общество всегда было обществом. Оно всегда более или менее неподвижный куль, который нужно суметь сдвинуть с места, объяснить его положение, которому нужно указать средства и способы для улучшения его быта» (1869. № 3. 1-я паг. С. 61). Исходный тезис «Бессилие мысли и сила жизни» – «изыскание способов, которыми можно делать людей счастливыми даже против их воли и традиционной трусости» (1870. № 5. 2-я паг. С. 3).

Двойственность оценки классиков была вызвана неудачными попытками современников применить на практике рекомендации создателей теории тенденциозного романа. В статье «Русские идеалы, герои и типы» (в ее первой части) проблема положительного героя решается элементарно: если бы Лермонтов обладал пониманием «общечеловеческой солидарности», то мог бы найти более достойное занятие своему герою. Но уже во второй части статьи (не пропущенной цензурой) Шелгунов подверг критике героев романа «Что делать?». Деятельность Веры Павловны и Рахметова не получила, по мнению критика, никакого социального обоснования, она основана на личном желании одной и эксцентризме другого. В работе «Люди сороковых и шестидесятых годов» требование «вскрыть социальные истоки психологии и поведения героев» получает и теоретико-литературное обоснование, появляется ряд художественных критериев, по которым произведения Писемского получают негативную оценку.

В первую очередь Шелгунова не устроили «ходульность» персонажей и самого «построения» романа. На первый план выступила проблема специфики «назидательного элемента» в искусстве, который должен присутствовать в «ощущениях» и выводах, но «которые читатель сам делает» в результате пережитого вместе с героями. Меняется образ самого читателя, по-

лагается, что он способен отличить подлинное чувство автора от поучений. Основной недостаток Писемского, как доказывает Шелгунов, и заключен в том, что «считая своих читателей совсем мальчиками, г. Писемский поучает их уму-разуму устами своих героев» (1869. № 11. 2-я паг. С. 153). Схематизм характеров, выявляемый при анализе романов Вовчок, Авдеева, Помяловского, Писемского, приводил Шелгунова к необходимости опереться на опыт классиков. Большинство шелгуновских статей представляют собой сопоставительный анализ, при котором принципы типизации, характерные для Тургенева, Лермонтова, Пушкина, оцениваются с точки зрения полноты психологической и «жизненной» правды.

Вопрос, который задает критик: не увидел автор положительной силы своего времени или ее не было в действительности? – получает двоякий ответ. В статье «Вопросы русской жизни (Борьба поколений)» Шелгунов признает, что в дореформенный период этой силы не было, но в настоящий момент, «если современное положение русского общества не дает практических героев и типов, то теоретически прозревать их нет особого труда» (1869. № 3. 1-я паг. С. 60). Многократно подчеркнув, что «не литература создает жизнь, а жизнь литературу», что до реформы в России «не было никакой возможности проявиться человеческой активности... и потому слабые люди являлись бесплодными воздыхателями о своей напрасно потраченной жизни и превращались или в Рудиных или в Маниловых, а активные делались Собакевичами и Чичиковыми», Шелгунов обращается к анализу социальных источников идей, образов и мировоззренческих позиций создателей произведений.

В статье «Неоконченные вопросы» 1871 года, постоянно развиваясь, концепция «лишнего человека» получает противоположную интерпретацию. Каждый новый исторический период, по мнению Шелгунова, начинается с момента «сомнений», «непроизвольного раздумья», которое получает определение «прогрессивной задержки» (1869. № 3. 1-я паг. С. 59). От Пушкина и до Тургенева создатели «лишних людей» критикуются теперь за «ироническое» и «скептическое» отношение к своим героям. Главный недостаток их персонажей – «индивидуализм» – трактуется исклю-

чительно как продукт социальных условий. Все они заняты исключительно собою и изучением себя, но теперь их частное и социальное поведение соотносится не с общественным деятелем, которого быть не могло, а с филистером и является признаком ума: «Главная черта героев времени – их ум, ум не спекулятивный и кабинетный, а реальный» (1871. № 4. 2-я паг. С. 18–20). Рефлексия «непристроившегося» к делу интеллигента-аристократа получает вневременное значение силы, движущей интеллектуальный прогресс.

Проследивая литературную жизнь героев в разные эпохи, Шелгунов отмечает закономерность различного к ним отношения и необходимость периода «развенчивания», особенно когда их «расплодилось уже чересчур много». Но при этом заостряет внимание на сущности интеллектуальной силы: «Развенчивая подражание, не нужно трогать самой неумирающей силы. От возможности правильного ее развития зависит правильное развитие общества» (1871. № 4. 2-я паг. С. 22–23). Только «тупоумие» может не понимать значения «болтовни» этих героев, и значения старого «“психологического” направления»... Казалось бы, Шелгунов приходит к полному признанию исторического значения «аристократической литературы». Однако этого не произошло. Никакого поворота Шелгунова от писаревского негативизма к трактовке типа по-Белинскому, как полагает Н. Соколов¹³, не было. Его историко-литературная концепция совмещала обе точки зрения. Использование первой или второй зависело от задач конкретной статьи. Возможность двух точек зрения обозначена в работе «Люди сороковых и шестидесятых годов». Писаревский подход мотивируется социально-политическими целями и особенностями исторического момента: «Еще недавно по поводу героев г. Тургенева русская прогрессивная критика высказывалась очень резко против социальной бесполезности праздных разговоров и ставила их как бы коренной причиной нашего печального общественного устройства. Такое направление критики совершенно соответствовало общественному моменту, в котором мы тогда находились. После экономического поворота, вызванного уничтожением крепостного права... нужны были люди дела; нужно было покончить с героями тургеневской эпохи и создавать новые идеалы» (1869. № 10. 2-я паг. С. 60).

После того как новые идеалы прояснились, «с новыми требованиями жизни и новое направление сделалось неизбежным в литературе», по мысли Шелгунова, к «покойникам» необходим «беспристрастный», «исторический» подход, необходимо учитывать «преемственность мысли, преемственность прогресса». Кроме того, Шелгунов находит объяснение ограниченности сферы изображения в дворянской литературе и пассивному характеру социального протеста: «Только потому, что люди не могли сдвинуть с места спящего Илью Муромца, они сделались идеалистами. Мечтать в те времена значило действовать и жить практически» (1869. № 10. 2-я паг. С. 61). Более того, попытка дать в литературе вместо рефлексирующего интеллигента «титана активности» было и невозможно: «Ложь была бы очевидна, а идеальный герой явился бы кандидатом в сумасшедший дом» (1869. № 3. 1-я паг. С. 60).

Но признание общественного значения типа «лишнего человека» не вело к переоценке значения самих его создателей. По убеждению Шелгунова, только читатель-профессионал, уровня Белинского, Добролюбова, Писарева, мог видеть в «лишнем человеке» – «продукт среды», остальные видят не «лишнего человека», – а «смирившегося человека» (1869. № 3. 1-я паг. С. 48).

Из всех критиков журнала именно Шелгунов конкретизирует образ предполагаемого читателя. Например, в статье «Бессилие мысли и сила жизни» читатель представляет собой «лишь исправленное издание Рудина, конечно, больше пережившего, больше видевшего, вкусившего немного и от плода дела, но все еще не сложившегося в настоящего критического работника» (1870. № 5. 2-я паг. С. 29). Нынешний период «неудовлетворенности и появляющейся рефлексии» критик связывает не с неумением или нежеланием действовать «читающей и правящей» России, а с «умственной жаждой, не находящей удовлетворения». То, что движущей силой прогресса, по Шелгунову, является именно «влиятельное меньшинство», «люди умственного труда», вырастающие из рефлексий «лишнего человека», не позволяло перечеркнуть опыт предшествующей литературы, искать нового героя в иной среде и создавать теорию новой

литературы, непосредственно адресованной народу. В этой же статье Шелгунов утверждает: «...судьбы народа решаются не в народных школах, а в университетах» (1870. № 5. 2-я паг. С. 10), и труд распространения знаний должен употребляться не на «филантропические вспашки», а адресовываться к «высшим сферам мысли». Представители «отрицательного» направления, начиная с Пушкина и кончая Тургеневым, по Шелгунову, остановились на полпути. Применительно к Пушкину к 1871 году окончательно складывается определение «недоразвившийся талант», который дал новое направление и русской литературе, и русской мысли, но непосредственно своему читателю не дал никакого руководства к действию. Шелгунов полагал, что если бы Пушкин выражался определеннее, его последователи «не посмели бы думать и писать того, что писали они» (1873. № 12. 2-я паг. С. 16).

Проблема восприятия художественного произведения становится одной из центральных в его критике. Основная «беда» молодого поколения – «недостаток знания жизни», как считает Шелгунов, происходит от «вредного» влияния русской классики (характер человека складывается под влиянием «прочитанного в молодости» и «впечатлений молодости») утверждает критик в статье «Глухая пора» (1870. № 4. 2-я паг. С. 31).

Размышления над проблемами эстетического восприятия вели Шелгунова к скептическому отношению к общественной роли литературы. Эти взгляды отразились в работе «Неоконченные вопросы»: «Личные отношения, которые возникают между читателем и автором, переходят нередко в нравственную зависимость... Сильный писатель, подавляющий своею мыслью, возводится в какой-то идеальный образ» (1871. № 4. 2-я паг. С. 8). Пора молодости, по мысли Шелгунова, характеризуется «отысканием себе места в природе», «готовые образцы и идеалы» облегчают труд формирования мысли. В умах читателей, полагает Шелгунов, легко могли отпечататься «идеальные представления» Белинского, Добролюбова, Писарева, но в том случае, если читателю «не дают готовых типов – Онегиных, Печориных» (1871. № 4. 2-я паг. С. 8). Шелгунов утверждает, что «критик и публицист для читателя живее, образнее», поскольку в его словах

непосредственное выражается его личное убеждение, но сильнее по влиянию оказывается романист, и это влияние в любом случае – отрицательного характера: «Авторитет готового идеального героя подавляет вредно молодую, формирующуюся мысль. Читатель затискивает свою душу в готовые чужие рамки, он надевает на себя готовую форму и убивает в себе самодеятельность. Влияние критика и публициста обратное, он не дает никакой формы, он дает только мысль» (1871. № 4. 2-я паг. С. 8). Такая установка выдвигала на первый план проблему ответственности художника перед обществом, приводила к анализу характера гуманистических устремлений писателей. Шелгунов утверждает, что поэзия для подлинного гуманиста – не способ выражения своих чувств, а инструмент для целенаправленного воздействия на читателя.

В связи с этим возникал преимущественный интерес не к произведению, а к «живому человеку», точнее, к причинам, помешавшим тому или иному писателю проникнуться чувством «общественной солидарности». Это привело к тому, что характерной чертой журнальной критики стал «наивный биографизм»¹⁴. При последующих обращениях к анализу творчества Пушкина¹⁵ его произведения не характеризуются, в центре внимания вопрос о невлиятельности творчества «гениального художника и мыслителя». В статье «Бесхарактерность нашей интеллигенции» несостоятельность русской поэзии Шелгунов связывает с тем, что Россия в отличие от Европы не дала «представителей мысли»: «Какой великий русский поэт укрепил наши чувства, слил их с мыслью, вдохновил нас энергией, показал нам идеал? Вместо того, чтобы возбуждать в нас нравственную силу, они в своих произведениях приносили публичное покаяние... Это были проповедники мелочности личных чувств, которые своими произведениями рассказывали нам историю своего личного развития, давали движущуюся панораму своего умственного роста, а подчас своего нравственного падения. На таких учителях могло ли воспитываться здоровое общество, и при таких воспитателях мог ли формироваться общественный характер?» (1873. № 12. 2-я паг. С. 17). По мнению Шелгунова, «всеохватность» творчества Пушкина стала причиной невосприимчивости читателя к нравственному содержанию

его произведений: «Своей калейдоскопичностью Пушкин кинул в массу едва начинавшей формироваться грамотной публики столько противоречивых мыслей, что каждый черпал то, что ему нравится, и каждый мог найти в Пушкине тот авторитет, который ему был нужен» (1873. № 12. 2-я паг. С. 16). И Шелгунов, и Ткачев видели в Пушкине «честного» и «страдающего» человека, которого неподготовленность к жизненной борьбе приводила к «разочарованию в собственной жизни» (1873. № 7. 2-я паг. С. 351). Главной пушкинской идеей, по мысли Шелгунова, был «человек и его благо». Но «программы поведения» он так и не смог выработать: «Хотя для Пушкина «человек» всегда служит средоточием его мировоззрения, но как розно в разные эпохи своей жизни он хотел работать для этого человека!» (1873, 11, 2-я паг., 24). Ни тот, ни другой не усматривали ни в биографии поэта, ни в его творчестве «поворота к консерватизму», не видели никакой спекулятивной подкладки в мотивах «примиренчества» с жизнью, отказа служить народу, проповеди «чистого искусства». Стихотворения «Герой», «Поэт и толпа», «Поэту», которые всегда были предметом нападок демократической критики, не упоминаются в журнале «Дело». В конечном итоге в вину поэту ставилось то, что в силу неразвитости массовое сознание не могло адекватно воспринимать его произведения. Позже свои антипушкинские пассажи Шелгунов объясняет сам: «Не лично о Пушкине речь, речь об отношении к нему общества. Шекспир был велик, но нужно было пройти трем столетиям прежде, чем его приняла и поняла Англия. Пушкин понят в этом же сорте. Читались не «Полтава» и «Медный всадник», или «Борис Годунов» в исторически-драматическом, поучающем и развивающем содержании. Каждая барышня... отыскивала повсюду «Черную шаль» или что-нибудь подобное. Списывались не «Полтава», не те образцы высокого искусства, которыми Пушкин завоевал себе место в русской литературе, и за которые ему будет поставлен памятник, списывались мелкие стишки, шевелившие чувство в направлении “луны”, “мечты” и “любви”» (1875. № 8. 2-я паг. С. 271).

Распространенное мнение, что принцип историзма в «Деле» был предан забвению, в ходе анализа не подтверждается. Пушкинское наследие оценивается с трех историчес-

ких точек зрения (эпохи 1820–30-х годов, современной – 1860–70-х – и далекого будущего). Двойственность и, на первый взгляд, противоречивость концепции возникает в результате двунаправленности осмысления его значения: с одной стороны, для развития русской литературы, с другой – с точки зрения его непосредственного влияния на массу «средней публики». Основным критерием оценки служило идейное содержание творчества, в специфическом, характерном для «Дела» понимании. Неудовлетворенность новым направлением в литературе – «народным реализмом» – в силу недостаточной глубины и аналитичности мысли писателей, выходцев из малообразованной разночинской среды вела к необходимости обращения к опыту предшественников. Будущее литературы представлялось Шелгунову как синтез «народного» и «головного» реализма, представленного дворянской литературой. Этим диктовалась необходимость устанавливать преемственные связи в литературном процессе. Но поскольку в центре внимания журнала были не литературные проблемы, а вопросы воздействия на общество, создаваемая в нем теория тенденциозности принципиально была направлена на преодоление многозначности образа в искусстве и многоплановости концепции произведения. Критика «Дела» сосредоточена на непонимании произведений Пушкина массовым сознанием, из чего следовал вывод о «вредном» влиянии «всеохватности» его творчества, которое не создавало «образцовых» схем мышления и поведения, деятельности и «школы» в литературе. Основанием парадоксально негативной оценки наследия поэта была своеобразная программа, рассчитанная на создание литературы для неразвитого читателя, необходимая, как казалось ее авторам, ради изменения «экономического положения», превращения аудитории из «невежественной, грубой и дикой массы «новозеландцев» в читателя, умеющего «не только читать, но и понимать».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно об этом см.: Назарова Т. В. Эстетические основы литературной критики В. Г. Авсеенко

// Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика. Вып. 3. 2003–2004. С. 95–100.

² Подобная точка зрения присутствует в работах: Есин Б. И. Демократический журнал «Дело». М., 1959. С. 71; Шкаруба Л. М. Проблема романа в критике журнала «Дело» // Проблема жанров в русской и советской литературе. Томск, 1977. С. 69–89.

³ Такое понимание складывающейся в журнале «Дело» теории «народного реализма», послужившей основанием для негативной оценки дворянской литературы, представлено в работе С.И. Коршуновой. См., напр.: Коршунова С. И. К проблеме реализма в русской критике 70-х годов 19 века (Творчество Н.А. Некрасова в освещении журнала «Дело»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. С. 20.

⁴ На эволюцию метода Н.В. Шелгунова и изменения в оценках русской классики указывает Н.И. Соколов. См., напр.: Соколов Н. И. Н. В. Шелгунов – литературный критик // Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974. С. 15.

⁵ Здесь и далее в круглых скобках по тексту указывается год, номер, отдел (пагинация) и страница журнала.

⁶ Концепция «тенденциозной литературы» Н.В. Шелгунова «реконструируется» из ряда статей: «Русские идеалы и типы» (1868. № 6); «Неоконченные вопросы» (1871. № 4); «Люди сороковых и шестидесятых годов» (1869. № 12); «Бесхарактерность нашей интеллигенции» (1873. № 11); «Талантливая бесталанность» (1869. № 8); «Вопросы русской жизни» (1869. № 3); «Тяжелая утрата» (1870. № 2); «Глухая пора» (1870. № 4); «Народный реализм в литературе» (1870); «Бессилие мысли и сила жизни» (1870. № 5); «Русский индивидуализм» (1868. № 7).

⁷ Подробно о категории «народность» в критике «Отечественных записок» см.: Назарова Т. В. Пушкин в критике журнала «Отечественные записки» // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика. Вып. 10. 2011. С. 83–93.

⁸ Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов в оценке журнала «Дело» // Н. А. Некрасов и его время. Калининград, 1975. С. 125.

⁹ Смирнов В. Б. На рубеже десятилетий. Саратов, 1982. С. 58–69. См. также работы В. В. Тихомирова: Салтыков-Щедрин и становление русской литературной критики на рубеже 1860–70-х годов // Писатель и литературный процесс: научн. тр. Курс. госпедин-та. Т. 68. Курск, 1976. С. 71–89; О литературно-критической позиции журнала «Дело» // Вопросы истории и теории русской литературной критики 19 века: науч. тр. Курс. госпедин-та. Т. 216. Курск, 1981. С. 115–137.

¹⁰ См.: Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия. Л., 1984. С. 143–173.

Коршунова С. И. К проблеме реализма в русской критике 70-х годов 19 века (Творчество Н.А. Некрасова в освещении журнала «Дело») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. С. 20.

¹¹ Это положение доказывается в работе Коршуновой: Коршунова С. И. К проблеме реализма в русской критике 70-х годов 19 века (Творчество Н. А. Некрасова в освещении журнала «Дело») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. С. 20.

¹² Архив В. А. Гольцева. 1914. Т. 1. С. 292. Цитируется по кн.: Пивоварова Л. М. Шелгунов – очеркист. Казань, 1990. С. 3.

¹³ Указ. соч. С. 95.

¹⁴ Этот термин применительно к критике «Дела» использует В. И. Кулешов. См.: История русской критики XVIII–XIX вв. М., 1972. 326 с.

¹⁵ См. статьи: «Пушкин и Лермонтов» (1873. № 7, 9); «А.С. Пушкин» (1875. № 6); «Литературный труд в России» (1876. № 8); «Эпоха Белинского» (1877. № 1, 3); «Памяти Пушкина» (1880. № 5); «А.А. Бестужев-Марлинский» (1881. № 11) С.С. Шашкова; «Бесхарактерность нашей интеллигенции» (1873. № 12); «Попытки русского сознания» (1874. № 2); «Образчик современной художественности» (1874. № 2); «Иллюзии критического оптимизма» (1875. № 8); «Внутреннее обозрение» (1860. № 6) Н.В. Шелгунова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авсеенко В. Г. Нужна ли нам литература? / В. Г. Авсеенко // Русский вестник. – 1873. – № 5. – С. 788.

2. Гаркави, А. М. Чернышевский и Добролюбов о «лишних людях» / А. М. Гаркави // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Вып. 7. – Саратов, 1975. – С. 27–48.

3. Егоров, Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов / Б. Ф. Егоров. – Л. : Искусство, 1991. – 336 с.

4. Емельянов, Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884) / Н. П. Емельянов. – Л. : Худож. лит., 1986. – 246 с.

5. Зельдович, М. Г. Статьи Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов / М. Г. Зельдович // И. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Вып. 4. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – С. 50–74.

6. Ильин, В. В. Писарев и Пушкин / В. В. Ильин. – Смоленск : Изд-во Смолен. ун-та, 1972. – 312 с.

7. Кондаков, И. В. Покушение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре) / И. В. Кондаков // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. 2. – С. 75–127.

8. Кондаков, И. В. «Потерянный рай» русской литературы / И. В. Кондаков // Пути и миражи русской культуры. – СПб. : Северо-Запад, 1994. – С. 191–221.

9. Кондаков, И. В. «Раздвоение единого» (Две линии в развитии русской культуры) / И. В. Кондаков // Вопросы литературы. – 1991. – № 7. – С. 64–80.

10. Конкин, С. С. Пушкин в критике Писарева / С. С. Конкин // Русская литература. – 1972. – № 4. – С. 50–74.

11. Макаровская, Г. В. Пушкин в оценке Чернышевского / Г. В. Макаровская // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Вып. 8. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – С. 50–111.

12. Попов, Я. В. К вопросу об отношении Чернышевского к Пушкину / Я. В. Попов // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Вып. 10. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 26–42.

13. Попов, И. В. К характеристике этических основ в выступлениях Д. И. Писарева против «чистого искусства» и искусства «объективного» / И. В. Попов // Ученые записки Куйбышевского педагогического института. – Вып. 86. – Куйбышев, 1971. – С. 96–117.

14. Рунт, М. И. Проблемы художественности в суждениях Н. Г. Чернышевского о Пушкине / М. И. Рунт // Русская критика и историко-литературный процесс. – Куйбышев : Пед. ин-т им. Куйбышева, 1983. – С. 76–96.

15. Смирнов, В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70–80-х годов XIX века / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. – 264 с.

16. Судьбы русского романа / В. Г. Авсеенко // Русский вестник. – 1873. – № 10. – С. 788.

PARADOXES OF REALISTIC CRITICISM

T. V. Nazarova

Methodological bases of paradoxical objection of the importance of the poet's heritage for the Russian culture are shown. The general direction of the interpretation of Pushkin's works by the critics of the democratic magazine is revealed. Courses of the contradictory assessment are analysed.

Key words: *Pushkin's works, interpretation, democratic magazine, the theory of the public realism, methodology of the criticism.*